

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Г. Х. ИБРАГИМОВ

О МНОГОФОРМАНТНОСТИ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ВОСТОЧНОКАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

(На материале рутульского, цахурского,
крызского и будухского языков)

Внимание исследователей с давних пор привлекают случаи, когда в языках нарушена структурная и семантическая мотивированность языковых знаков¹, в результате чего отдельные языковые явления не поддаются объяснению «ни логикой системной организации, ни логикой обозначаемых знаками вещей и явлений объективного мира»². В этом плане образование мн. числа вообще, имен существительных в частности, в восточнокавказских языках имеет ряд примечательных особенностей. В языках с именной классификацией мн. число образуется двумя способами: 1) присоединением специальных формантов множественности (их принимают слова, в которых морфологически не выражена классная дифференциация, например, рутулск. *хал* «дом» — *хал-быр* «домá»); 2) посредством изменения соответствующих показателей грамматических классов (например, в глаголах, для которых в основном характерна морфологически выраженная классная дифференциация, ср. в цахурском: *гаде хъа-р-ы* «парень пришел» — *гаде-бы хъа-б-ы* «парни пришли», *й ичи хъа-р-ы* «сестра пришла» — *йиче-б-ы хъа-б-ы* «сестры пришли», *йац хъа-б-ы* «бык пришел» — *йац-бы хъа-д-ы* «быки пришли», *дев хъа-д-ы* «чудище пришло» — *дей-бы хъа-д-ы* «чудища пришли»).

Второй способ образования мн. числа в восточнокавказских языках предельно ясен и не нуждается в особых комментариях. Сложнее обстоит дело с первым способом — образованием мн. числа имен существительных (т. е. того разряда слов, который грамматически не дифференцирован по классам). В одних языках для производства мн. числа имен существительных используется несколько простых формантов множественности, в других — большое количество формантов множественности как простых, так и сложных. К тому же засвидетельствованные форманты множественности генетически неоднородны: одни из них материально идентичны с экспонентами грамматического класса, другие имеют местоименное происхождение.

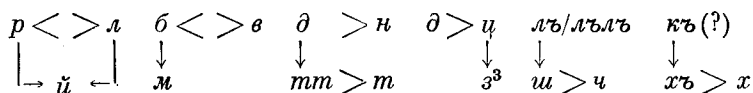
В восточнокавказских языках форманты множественности имеют в своем составе: 1) согласные и комплексы согласных — *ш*, *й*, *рч*, *б*, *ц*,

¹ П. К. Услар, например, отмечал, что им. падеж мн. числа в чеченском, аварском, лакском и хюркилинском языках имеет много «неправильностей» и что «образование его не может быть подведено под определенные правила» (П. К. Услар, Чеченский язык, Тифлис, 1888, стр. 23, 26, 36—38; е го же, Аварский язык, Тифлис, 1889, стр. 60—66; е го же, Лакский язык, Тифлис, 1890, стр. 22, 25; е го же, Хюркилинский язык, Тифлис, 1892, стр. 39, 44). См. также: З. М. Магомедбекова, Ахвахский язык, Тбилиси, 1967, стр. 43—44; А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. П. Оловяников, Фрагменты грамматики хиналугского языка, [М.], 1972, стр. 48—49, 57—58.

² «Общее языкознание», М., 1970, стр. 121.

p, рш, з, л, д, н, м, лъ, лълъ, в, тт, лт, хъ, т, х, къ; 2) гласные — *а, и, у, о, е(э), аь, ы, аI, ā*. В качестве формантов множественности самостоятельно могут быть представлены как одни согласные, так и одни гласные; в частности, формантами множественности выступают гласные *-и, -е, -а, -о, -у, -аь, -ā*.

В плане материальной общности и с учетом фонетических изменений согласные элементы формантов множественности можно свести в следующие группы:



Согласные *p < > л, б < > в, д* материально связаны с показателями грамматического класса⁴. В составе формантов множественности они представлены как самостоятельно, так и в различных консонантных сочетаниях.

Согласные *лъ/лълъ (>и >ч)*, *къ⁵ (>хъ >х)* мы считаем детерминантами множественности местоименного происхождения: эти согласные, в частности *лъ/лълъ (>и >ч)*, представлены в структуре личных местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа ряда восточнокавказских языков. Однако в составе личных местоимений названные согласные лишены функционального значения показателя множественности⁶. Лишь в даргинском языке *-и-* в личных местоимениях выступает в качестве показателя множественности, например: *ну «я» — ну-ша «мы», хIу «ты» — хIу-ша «вы»*. В цахурском значение *-и-* как показателя множественности личных местоимений значительно затемнено, ср.: *зы «я» — и-и «мы», гъу «ты» — и-у «вы»* (членение *и-и, и-у* в цахурском языке является совершенно условным). Данные даргинского языка (частично и цахурского) позволяют утверждать, что *-и-*, а также соотносимые с ним согласные (*лъ/лълъ, ч*) в составе личных местоимений исторически являлись показателями мн. числа. Форманты *лъ/лълъ (>и >ч)* в образовании мн. числа имен существительных в некоторых восточнокавказских языках играют весьма значительную роль (например, в чеченском *-и* является основным показателем множественности имен существительных).

Таким образом, в восточнокавказских языках с точки зрения генетической можно выделить два типа формантов множественности имен существительных: 1) классного и 2) местоименного происхождения. Более древними, видимо, являются форманты множественности классного происхождения. Соотношение этих двух типов формантов множественности первоначально могло быть весьма сложным, поскольку в синхронном плане образование мн. числа имен существительных в восточнокавказ-

³ В специальной литературе *-э* трактуется как фонетический вариант *-ə* (Ш. И. М и к а и л о в, Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов, Махачкала, 1964, стр. 26).

⁴ См. об этом: Л. И. Ж и р к о в, Табасаранский язык, М. — Л., 1948, стр. 69; А. А. М а г о м е т о в, Табасаранский язык, Тбилиси, 1965, стр. 97; Ш. И. М и к а и л о в, указ. соч., стр. 28.

⁵ О функциональной нагрузке суффиксов *-гъаIр (/къар), -хъал/-хъали, -хох/-Vx* см.: А. А. М а г о м е т о в, указ. соч., стр. 95; е г о ж е, Кубачинский язык, Тбилиси, 1963, стр. 91; С. А б д у л л а е в, Грамматика даргинского языка, Махачкала, 1954, стр. 94; Е. Д ж е й р а н и ш в и л и, Удийский язык, Тбилиси, 1971, стр. 281—292 (на груз. яз., резюме — на русском).

⁶ В типологическом плане интерес представляет реинтерпретация первоначального значения множественности показателя *-э* в личных местоимениях отдельных тюркских языков (см.: Г. Ф. Б л а г о в а, Тюркский аффиксальный плеоназм в сравнительно-историческом и ареально-лингвистическом освещении, ВЯ, 1968, 6, стр. 89).

ских языках представляет весьма сложную и пеструю картину. Казалось бы, современные восточнокавказские языки могли ограничиться каждый одним формантом множественности с соответствующими фонетическими вариантами (например, в табасаранском *-ap/-aьp/-ep/-йaьp/-йup*, в лезгинском *-ep/-ap/-йap* и т. д.). Тем не менее, во многих восточнокавказских языках категория числа характеризуется многоформантностью. Можно предположить, что исторически в восточнокавказских языках здесь различались не только ед. и мн. числа, но и ограниченное мн. число или двойственное (для парных предметов) число; ср. также в местоимениях инклюзив, обладающий более широким значением, и эксклюзив, обладающий более узким значением. Категория числа в этих языках имела сложную оппозицию морфологических знаков (формантов множественности), в основу которой были заложены признаки ограниченности — неограниченности, разумности — неразумности.

Не исключено, что употребление одного из показателей класса в качестве форманта множественности первоначально было связано с выделением ограниченного мн. (или дв.) числа, а употребление форманта множественности местоименного происхождения — с выделением неограниченного мн. числа. В таком случае категория числа могла реализоваться следующими оппозициями:

- ед. ч. - $\emptyset$ — дв. ч. -*p* (или любой из показателей класса)
 ед. ч. - $\emptyset$ — мн. ч. -*ш* (или -*xъ*...)
 ед. ч. - $\emptyset$ — дв. ч. -*p* — мн. ч. -*ш*
 дв. ч. -*p* — мн. ч. -*ш*

В чеченском и ингушском языках местоименный формант *-ш* наиболее употребителен⁷. В то же время в ряде языков, например, в крызском и будухском, форманты множественности местоименного происхождения оказались вытесненными формантами множественности классного происхождения⁸. Однако при этом сохраняется система оппозиции: ноль для ед. числа, один из показателей класса для ограниченного мн. (или дв.) числа, парное употребление показателей класса для неограниченного мн. числа.

В плане синхронии рутульский язык в словах, грамматически не дифференцированных по классам, различает ед. и мн. числа (употребление отдельных существительных только в ед. или только во мн. числе здесь не рассматривается). Имена существительные в ед. числе имеют нулевой показатель. Мн. число оформляется следующими специальными формантами: 1) *-аб-ар/-аб-ыр, -б-ыр/-б-ур, -м-ар/-м-аьр, -й-ар/-й-ер*; 2) *-ба/-баь, -бы/-би, -ум/-ым*; 3) *-ар/-аьр/-ер, -ыр, -(й)p/-р, -ра/-раь*; 4) *-а/-аь/-е*.

В первой из этих групп представлены сложные форманты, в остальных трех — простые. Проведенное распределение формантов множественности не связано с их генезисом: все они классного происхождения (*-б > -м, -р > -й*). Наиболее употребительными в рутульском являются форманты множественности *-б-ыр* (мух., шиназ., ихр., мюхр. диалекты), *-бы* (хнов. и борч. диалекты)⁹, *-ар*, которые используются как в односложных, так

⁷ См.: К. Т. Ч р е л а ш в и л и, К вопросу об образовании множественного числа в чеченском языке, «Изв. Чечено-Ингушского НИИЯЛ», 1, 2, Языкознание, Грозный, 1959, стр. 173; Ю. Д. Д е ш е р и е в, Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков, Грозный, 1963, стр. 411—415.

⁸ В цахурском и рутульском языках местоименный формант множественности *-ш* сохранился лишь в косвенной основе склоняемого существительного.

⁹ Здесь и далее названия диалектов рутульского приводятся в сокращении: мух. — мухадский, шиназ. — шиназский, ихр. — ихрекский, мюхр. — мюхрекский, хнов. — хновский, борч. — борчинский.

и многосложных словах. Употребление *-б-ыр* и *-бы* не связано со структурой слова: они присоединяются к слову как с гласным, так и с согласным исходом, кроме *-б*, *-н*. Формант *-ар* присоединяется только к слову с согласным исходом. Если же слово имеет гласный исход, то перед *-ар* развивается *-й*.

Употребление формантов *-б-ыр/-бы*, *-ар* в определенной степени регламентировано. Формант множественности *-б-ыр/-бы* (развитие *-быр* > *-бы* завершено в хнов. диалекте, в борч. процесс еще не завершен), как правило, используется в названиях неодушевленных существительных (например, *хал* «дом» — *хал-б-ыр/хал-бы*, *мас* «стена» — *мас-б-ыр/мас-бы*, *кач* «рог» — *кач-б-ыр/кач-бы*), а также в некоторых названиях неразумных одушевленных существ (заьр «корова» — *заь-б-ыр/заь-бы*, мал «скотина» — *мал-б-ыр/мал-бы*, тIехь «овца» — *тIехь-б-ыр/тIехь-бы*, йац «бык» — *йац-быр/йас-бы*).

В именах с исходом на *-б*, *-н* представлен формант множественности *-ыр*: *кьырыб* «кость» — *кьырыб-ыр*, *хьеб* «ноготь» — *хьеб-ыр*, *йезуб* «зерно» — *йезуб-ыр*, *гъаб* «корень» — *гъаб-ыр*, *туп* «мяч» — *туп-ыр*¹⁰, *гап* «ладонь» — *гап-ыр*. Выпадение *-б* (*-быр* > *-ыр*) обусловлено стечением артикуляционно однозначных звуков, а также утратой геминации в рутульском языке.

Формант множественности *-ар* представлен в одушевленных именах, обозначающих как разумные, так и неразумные существа¹¹: *хыдыл* «племянник» — *хыдыл-ар*, *малаъик* «ангел» — *малаъик-ар*, *хвар* «кобыла» — *хвар-ар*, *кьаджир* «коршун» — *кьаджир-ар*, *шит* «клоп» — *шит-ар*. Обычно такие имена в ед. числе имеют согласный исход. К именам с гласным исходом в некоторых случаях присоединяется аффикс *-ар* и его фонетический вариант *-ер*, перед которыми развивается *-й*: *тыла* «собака» — *тылы-й-ар*, *къанлы* «кровник» — *къанлы-й-ар*, *индушкIа* «индюшка» — *индушкIа-й-ар*. Формант множественности *-аьр* получают имена с согласным исходом, в основе которых имеются гласные переднего ряда: *сикI* «лиса» — *сикI-аьр*, *йимаьл* «осел» — *йимл-аьр* и др.

В лексемах *дид* «отец» — *дид-аб-ар* и *нин* «мать» — *нин-аб-ар* представлен сложный формант множественности *-аб-ар*, видимо, исторически связанный с так называемым неограниченным мн. числом. В некоторых названиях одушевленных существ (разумных и неразумных), основы которых, как правило, имеют гласный исход или *-й*, представлен сложный формант множественности *-м-ар/-м-аьр*. После гласного перед формантом *-м-ар/м-аьр* появляется *-й*; в одних случаях *-й* является этимологически восстанавливаемым звуком, в других — наращением, например: *хыди* «двоюродный (брат/-ая сестра)» — *хыди-й-м-ар*, *рыши* «сестра» — *рыши-й-м-ар*, *хиндадай* «вдова» — *хиндадай-м-ар*, *шей* «зверь» — *шей-м-ар*. Формант *-м-ар/-м-аьр* присоединяется только к нескольким именам, основы которых имеют согласный исход: *суйпел* «ус» — *суйпел-м-ар*, *гаг* «деверь» — *гаг-м-ар*, *сус* «невеста» — *сус-м-аьр*, *къарг* «баран» — *къарг-м-ар*, *ург* «ягненок» — *ург-м-ар*. В ихр. диалекте в двух последних лексемах засвидетельствован формант множественности *-ым/-ум*, являющийся вариантом *-м-ар*, например, *къарг* «баран» — *къарг-ым*, *ург* «ягненок» — *ург-ум*. Усечение и метатеза *-м-ар* обусловлены структурой лексем, види-

¹⁰ В односложных именах с лабиальным гласным наблюдается параллельное употребление *-бур/-быр*, *-ур/-ыр*: *тIур* «прыщ» — *тIур-бур/тIур-быр*, *туп* «мяч» — *туп-ур/туп-ыр*. В аналогичных случаях предпочтение отдается формантам *-быр*, *-ыр* (как правило, безударный *у* аффикса переходит в *ы*). В этой связи А. М. Дирр отмечал, что «бур провозносится в большинстве случаев очень кратко: *бур*, даже *бр*» (см. его «Рутульский язык», Тифлис, 1911, стр. 19).

¹¹ См.: А. М. Д и р р, указ. соч., стр. 19.

мо, ихр. диалект избегает стечения трех согласных (*къарг-ым* < *къарг-м-ар*).

В лексемах *шу* «брат» — *шу-ба*, *риш* «дочь» — *риш-баъ*, *си* «медведь» — *си-баъ* представлен формант множественности *-ба/-баъ*, этимологически восходящий к показателю ограниченного мн. числа. В лексеме *дух* «сын» — *дух-ра/дух-раъ* представлен формант множественности *-ра/-раъ*, также этимологически связанный с ограниченным мн. числом.

В некоторых названиях животных засвидетельствованы форманты множественности *-а*, *-е*, *-аъ*. Основы этих лексем в исходе имеют сонорные *-р*, *-л*, *-н*: *выгыр* «баран» — *выгр-е*, *гылр* «заяц» — *гылр-а* (параллельно *гылр-ар*), *убул* «волк» — *убл-аъ*, *мытыл* «козленок» — *мытыл-аъ*, *кьын* «козел» — *кьын-а*.

Апокопа *-р* в форманте множественности (*-ар* > *-а*) обусловлена однородностью финального согласного основы лексемы и согласного в форманте множественности или возможностью уподобления их, ср.: *выгыр* — **выгыр-ар* (*/-ер*) *выгр-е*, *гылр* — *гылр-ар* (кстати, последняя форма сохранилась в языке в качестве параллельной) > *гылр-а*, *убул* — **убул-ар* > **убул-аъ* > *убл-аъ* и т. д.

В рутульском языке особый интерес представляет оформление мн. числа в названиях парных предметов посредством сложного форманта *-аб-ыр* (< **аб-быр*): *ул* «глаз» — *ул-аб-ыр* (< **ул-аб-быр*), *хыл* «рука» — *хыл-аб-ыр* (< **хыл-аб-быр*), *гыл* «нога» — *гыл-аб-ыр* (< **гыл-аб-быр*), *гыл* «передняя нога у животных» — *гыл-аб-ыр* (< **гыл-аб-быр*), *убур* «ухо» — *убр-аб-ыр* (< **убур-аб-быр*), *тлутл* «грудь, сосок» — *тлутл-аб-ыр* (< **тлутл-аб-быр*). Восстановить этимологическую форму *-аб-ыр* (< **аб-быр*) в приведенных лексемах помогают не только фонетические закономерности собственно рутульского языка (где лексем с финальным *-б*, *-п* принимают формант множественности *-ыр*), но и данные родственных языков, в частности цахурского, где в двух лексемах¹² представлен формант множественности *-аппы* (< *аб-бы* < **аб-быр*). Ср.: «глаз» рут. *ул* — *ул-аб-ыр* и цах. *ул'* — *ул-аппы* < *ул-аб-бы* (< **ул-аб-быр*); «рука» рут. *хыл* — *хыл-аб-ыр* и цах. *хыл'* — *хыл-аппы* < *хыл-аб-бы* (< **хыл-аб-быр*).

В цахурском языке *б + б*, *д + д*, *г + г* в интервокальной позиции дают геминированные *пп*, *тт*, *кк*, которые для рутульского языка не характерны¹³. Общность в оформлении мн. числа в лексемах «глаз» и «рука» в обоих языках не вызывает сомнений, хотя в каждом из них сохранились в этих лексемах различные элементы форманта *-быр*: в рутульском *-ыр* (< *-быр*), в цахурском *-ны* (< *-быр*), которые в совокупности позволяют с полной достоверностью реконструировать в рут. *-аб-ыр* (< **аб-быр*).

Структурный анализ рутульских лексем *ул* «глаз», *хыл* «рука», *гыл* «нога», *гыл* «передняя нога у животных», *убур* «ухо», *тлутл* «грудь, сосок» дает основание полагать, что *-аб* в их форме мн. числа является не фонетическим наращением, в настоящее время лишенным семантики, а самостоятельным формантом, некогда имевшим определенные морфологические функции. Ср. образование мн. числа в лексемах с аналогичным фонетическим строением, но не имеющих значения парности: *ил* «запах» — *ил-быр*, *кьул* «голова» — *кьул-быр*, *гал* «рот» — *гал-быр*, *гыбыл* «облако» — *гыбыл-быр*, *дур* «ложка» — *дур-быр*, *ухур* «нитка» — *ухур-быр*; *гьтл*

¹² По сообщению А. Е. Кибрика и И. Е. Оловяниниковой в цахурском говоре селения Микик лексема *гьул'* «окно» также принимает формант множественности *-еппы* (в остальных говорах цахурского языка: *кьул'/гьул'* — *кьул-ер/гьул-ер/кьул-еппы/гьул-еппы*).

¹³ См.: N. T r u b e t z k o y, Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen, «Caucasica», fasc. 8, Leipzig, 1931, стр. 17.

«колос» — *гытI-быр*, где *-аб* в составе форманта множественности отсутствует. Таким образом, необусловленность *-аб-* фонетическим составом лексем очевидна.

Не поддается объяснению *-аб-* в плане синхронии и как морфологическое явление, поскольку он лишен функциональной нагрузки. В современном рутульском языке *-аб-* в форманте множественности *-аб-ыр* является избыточным, и присутствие его в форме мн. числа имен парных частей тела считается отступлением от общих норм¹⁴.

Удовлетворительное объяснение природы *-аб-* в составе форманта множественности *-аб-ыр* можно дать, однако, исходя из семантики «парности» названных лексем: именно это позволяет этимологически квалифицировать *-аб-* при именах парных частей тела как формант двойственного (или ограниченного мн.) числа.

В процессе развития рутульского языка дв. (или ограниченное мн.) число вышло из употребления¹⁵, а формант *-аб-* в одних случаях сохранился как рудимент, а в других — как избыточный элемент выпал. В родственном цахурском следы дв. числа сохранились в лексемах *ул* «глаз», *хыл* «рука» и *къул'/гъул'* «окно».

Следы дв. (или ограниченного мн.) числа обнаруживаются также в крызском и будухском языках. Так, в крызском языке имена парных предметов независимо от фонетического состава лексемы образуют мн. число посредством сложных формантов; всего таких лексем здесь насчитывается двенадцать. Если финалью лексемы не являются сонорные *-р*, *-л*, то в форме мн. числа сохраняются оба компонента сложного форманта *-ри-ми*; это правило относится к семи лексемам: *бег* «бок» — *бег-ри-ми*, *пекI* «губа» — *пекI-ри-ми*, *хаб* «рука (кисть)» — *хаб-ри-ми*, *хид* «кулак» — *хид-ри-ми*, *мам* «грудь, сосок» — *мам-ри-ми*, *чIык* «коса (волосы)» — *чIык-ри-ми*, *гъаг* «ноздря» — *гъаг-ри-ми*. Наличие в исходе основ *-р*, *-л* обуславливает редукцию маргинального *-р-* в составе форманта; это правило распространяется на четыре лексемы: *къил* «нога» — *къил-и-ми* (<**къил-ли-ми* < **къил-ри-ми*), *кыл* «рука» — *кыл-и-ми* (<**кыл-ли-ми* < **кыл-ри-ми*), *гIуъл* «глаз» — *гIуъл-и-ми* (<**гIуъл-ли-ми* < **гIуъл-ри-ми*), *ибыр* «ухо» — *ибр-и-ми* (<**ибыр-ри-ми*). К одиннадцати названным лексемам можно добавить *карч* «рог» — мн. ч. *карч-им-би*, где формант множественности *-им-би* (<**-ми-би*) по своим компонентам несколько отличается от форманта *-ри-ми*. Компонентный анализ здесь может существенно помочь при уяснении динамики развития категории числа, а также при определении природы так называемых «сложных» формантов множественности.

Употребление сложных формантов *-ри-ми* в семи лексемах, *-и-ми* в четырех лексемах и *-им-би* в одной лексеме не обусловлено фонетическим строением этих лексем. Из двенадцати лексем десять имеют структуру СГС, одна — СГСС (*карч*) и одна двусложная лексема — Г-СГС (*ибыр*); финалями этих лексем являются согласные: *-г* (2), *-кI* (1), *-б* (1), *-д* (1), *-м* (1), *-къ* (1), *-л* (3), *-р* (1), *-рч* (2). В крызском языке существуют десятки лексем с аналогичным фонетическим составом, которые образуют мн. число посредством одного из простых формантов *-ри*, *-би*, *-ар* и др.; например, *йек* «мясо» — *йек-ри*, *йикъ* «спина» — *йикъ-ри*, *йакI* «топор» — *йакI-ри*, *йит* «мед» — *йит-ри*, *чIел* «слово» — *чIел-иб*, *чIид* «блоха» — *чIид-ар*,

¹⁴ А. М. Д и р р, указ. соч., стр. 20.

¹⁵ В пиназском диалекте рутульского языка лексема *ул* «глаз» сохранила действующими все три числа (ед., дв. и мн.): *ул* — *ул-аб* — *ул-абыр*. Соответственно неодинаковым оказывается склонение для каждого из чисел: 1) ед. ч. им. *ул*, эрг. *ул-ура*, род. *ул-уд*, дат. *ул-ус*; 2) дв. ч. им. *улаб*, эрг. *улаб-ара*, род. *улаб-ад*, дат. *улаб-ас*; 3) мн. ч. им. *улабыр*, эрг. *улабыр-м-ыра*, род. *улабыр-м-ид*, дат. *улабыр-м-ыс*.

кьал «мышь» — кьал-ар, лем «осел» — лем-ар, вул «овца» — вул-би, хъуб «лягушка» — хъуб-ар, илаг «железо» — илаг-ар.

В крызском языке сложные форманты множественности в названиях парных предметов имеют общую природу с соответствующими формантами в рутульском и цахурском. В строении этих формантов отражены следы некогда бытовавшей оппозиции дифференцированного употребления ед., дв. (или ограниченного мн.) и мн. (неограниченного) чисел. В частности, имена парных предметов могли иметь следующие три типа оппозиций: 1) ед. ч.: $\emptyset$ — дв. ч.: специальный формант (простой); 2) ед. ч. $\emptyset$ — дв. ч.: специальный формант (простой) — мн. ч.: специальный формант (сложный); 3) дв. ч.: специальный формант (простой) — мн. ч.: специальный формант (сложный)¹⁶.

Засвидетельствованные сложные форманты множественности для имен парных предметов в крызском языке этимологически представляют собой сочетание формантов дв. и мн. чисел. Видимо, исторически мн. число имен парных предметов образовывалось от формы дв. числа, и формант множественности присоединялся после форманта дв. числа.

В крызском языке синхронно представлены в основном два сложных форманта множественности: *-ри-ми*, *-им-би* (<**-ми-би*). В этих формантах выделяются три компонента: *-ри*, *-ми*, *-би*, из которых *-ми* восходит к *-би*. Компонент *-би* (>*-ми*) мог совмещать в себе рефлексы как дв. (*-б-*), так и мн. (*-бVp > би*) чисел. Компонент *-ри* включает в себе только рефлекс форманта множественности (*-бVp > -Vp/-p > ри*). Сложные форманты множественности в названиях парных предметов, этимологически представляющие собой сочетания формантов дв. и мн. чисел, могут быть образованы путем различных комбинаций компонентов *-би-би*, *-би-ми*, *-ми-би*, *-би-ри*, *-ми-ри*, *-ар-би*, *-ри-ми*, но ни в коем случае не могут быть простым повторением компонентов *-ри-ри*. Это, видимо, обусловлено тем, что в крызском так же, как в рутульском и цахурском, исторически в качестве форманта дв. (или ограниченного мн.) числа скорее всего выступал *-б* (с огласовкой), а в качестве форманта множественности — *-бр* (с огласовкой). Эти форманты вместе с нулевым показателем ед. числа составляли следующие типы оппозиций (для непарных имен возможны некоторые отклонения):

1. Имена парных частей тела (здесь представлено дв. число): а) ед. ч. $\emptyset$ — дв. ч. *-б*; б) дв. ч. *-б* — мн. ч. *-бр*; в) ед. ч. $\emptyset$ — мн. ч. *-б-бр* (при этом следует учитывать, что мн. число имен парных частей тела исторически образовалось от формы дв. числа);

2. Непарные имена (здесь представлено ограниченное мн. число): а) ед. ч. $\emptyset$ — ограниченное мн. ч. *-б*¹⁷; б) ед. ч. $\emptyset$ — мн. ч. *-бр*; в) ограниченное мн. ч. *-б* — мн. ч. *-бр*.

Оппозиция ограниченного мн. и мн. (неограниченного) чисел, видимо, имела сравнительно меньшее распространение, чем оппозиция дв. и мн. чисел. Этим и можно объяснить, что в форманте множественности имен парных частей тела лучше сохранились следы дв. числа.

Лексемы «брат», «дочь» и «сын» в рутульском и цахурском имеют необычное оформление мн. числа, в котором, на наш взгляд, отражены следы ограниченного мн. числа. Ср.: «брат» рут. *шу* — *шу-ба/шуь-баь*, цах. *чодж* — *чу-ба*; «дочь» рут. *риш* — *риш-баь*, цах. *йиш* — *йиш-ба*; «сын» рут. *дух* — *дух-ра*, цах. *дех/дих* — *дух-ра/дух-ба*.

¹⁶ Здесь под «сложным формантом» имеется в виду одновременное употребление двух показателей класса в качестве форманта множественности.

¹⁷ В качестве форманта ограниченного мн. числа мог выступать также любой другой показатель класса. Причину многообразия формантов множественности, видимо, частично можно усматривать и в этом.

Можно предполагать, что следы ограниченного мн. числа в терминах родства по крови отражают семейно-бытовые отношения родовой семьи. В этом же плане интерес представляют формы мн. числа лексем «отец» (*дид* — *дид-аб-ар*) и «мать» (*нин* — *нин-аб-ар*) в рутульском языке. Возможно, в этих двух словоформах сохранилось неограниченное мн. число, восходящее к тому времени, когда в родовой семье все мужчины и женщины рода для детей являлись «отцами» и «матерями». Видимо, по кровному родству выделялись формы ограниченного мн. числа *дид-аб* (возможно, «отцы-братья») и *нин-аб* («матери-сестры»), которые в самостоятельном употреблении не сохранились.

Сложные форманты множественности засвидетельствованы в единичных именах, обозначающих непарные предметы, например, крыз. *фири* «муж» — *фири-м-би*, *ник* «нива» — *ник-им-би*, *бел* «лоб» — *бел-им-би*, *хьын* «трав» — *хьын-ар-би*, *шидир* «сестра» — *шидир-ар-би*. Некоторые из этих имен имеют параллельные формы множественности с одним формантом, ср.: *фири* — *фири-йаьр*, *хьын* — *хьын-би*, *шидир* — *шидр-ар*. Видимо, здесь отражены следы двойной оппозиции (см. оппозиции для непарных имен).

При наличии в языке действующего дв. (или ограниченного мн.) числа с его морфологическими средствами оппозиционные пары $\emptyset$ — $-б/-\emptyset$ — $-р$, $-б$ — $-бр/-р$ — $-бр$, $\emptyset$ — $-б$ — $-бр/\emptyset$ — $-р$ — $-бр$ не подвергаются разрушению. Утрата дв. (или ограниченного мн.) числа упрощает состав и количество оппозиционных пар и обуславливает распад форманта множественности $-бр$. С нулевым показателем ед. числа оппозицию мог составить не только сложный формант $-бр$, но и любой из его компонентов: $\emptyset$ — $-бр > \emptyset$ — $-б/\emptyset$ — $-р$ (в крызском языке сохранились лишь следы оппозиции $\emptyset$ — $-бр$, наиболее распространенными являются оппозиции $\emptyset$ — $-б$, $\emptyset$ — $-р$).

В будухском языке многообразие формантов множественности (как простых, так и сложных: $-ар$, $-аьр$, $-ер$, $-ри$, $-й-ри$, $-им$, $-бер$, $-и-бер$, $-и-мер$, $-нар$, $-рим$, $-р-бер$, $-ри-мер$, $-им-бер$, $-м-бер$ ¹⁸) для имен обусловлено также утратой дв. (или ограниченного мн.) числа. Замена сложной системы оппозиций простой (сохраняется лишь оппозиция ед. и мн. чисел) вызвала разрушение дифференцирующих средств оппозиционных пар, и прежде всего форманта множественности $-бVр$. Позиционное выпадение $-б$ в форманте $-бVр > -Vр$ привело к появлению фонетических вариантов — для будухского это $-ар$, $-аьр$, $-ер$, $-ри$, употребление которых регулируется гармонией гласных.

Формант $-ар$ ($-аьр/-ер$) представлен в двусложных словах, финалью которых может быть любой согласный (кроме сонорных $-л$, $-р$, $-н$), например, *абуд* «орех» — *абуд-ар*, *йилег* «железо» — *йилег-аьр*, *кIеренI* «кость» — *кIеренI-ер*. В порядке исключения посредством тех же формантов образуется мн. число лексем *сакул* «лиса» — *сакул-ар*, *шидир* «сестра» — *шидр-ар*.

Формант $-ар$ ($-аьр/-ер$) засвидетельствован также в некоторых односложных именах: *рих* «дорога» — *рих-ар*, *лаьгь* «телен» — *лаьгь-аьр*, *лем* «осел» — *лем-ер*. В порядке исключения тот же формант образует мн. число односложных имен с сонорной финалью: *хор* «собака» — *хор-ар*, *заьр* «корова» — *заьр-аьр*, *хьын* «трав» — *хьын-ар*. По действующим правилам будухского языка лексемы *сакул*, *шидир*, *хор*, *заьр*, *хьын* формам мн. числа должны были бы образовывать посредством форманта $-бVр$ (**сакул-бер*, **хор-и-бер* и т. д.). По-видимому, в указанных лексемах фор-

¹⁸ С учетом исторически предполагаемых оппозиционных противопоставлений чисел здесь и дальше этимологически сложные форманты множественности $-б-ер$, $-м-ер$, $-н-ар$, $-р-им$ в будухском приводим слитно, не выделяя их компоненты.

мант *-ар* — позднее явление, развившееся в результате активизирующегося разложения *-бVр*.

Формант *-ри* засвидетельствован только в односложных именах типа ГС и СГС с любым согласным в качестве финали (кроме сонорных *-л*, *-р*, *-н*): *еб* «волок» — *еб-ри*, *реб* «шило» — *реб-ри*, *тIам* «радуга» — *тIам-ри*, *хьад* «вода» — *хьад-ри* и т. д. Формант *-ри* в будухском, видимо, обусловлен метатезой *-бVр* (> **рыб*), произошедшей до его распада (например: *хьад* «вода» — *хьад-ри* < **хьад-риб*).

В форме мн. числа лексемы *кыл* «рука» представлен формант *-им*, входящий к форманту дв. (или ограниченного мн.) числа *-иб*, тогда как формант неограниченного мн. числа *-бер* в ней отсутствует. А в форме мн. числа лексемы *кыла* «плечо» сохранились оба форманта: *кыла* — *кыл-им-бер* (< **кыл-иб-бер*). По всей видимости, отсутствие форманта множественности *-бер* в форме мн. числа лексемы «рука» *кыл* — *кыл-им* вызвано совпадением форм. мн. числа слов «рука» и «плечо» (т. е. стремлением освободиться от омонимии), а также избыточностью употребления сложных формантов в связи с утратой дв. (или ограниченного мн.) числа.

Сравнительно ограниченное употребление в будухском языке имеют сложные форманты множественности типа: *-р-бер*, *-ри-мер*, *-м-бер*, *-им-бер*. Из них наиболее употребителен формант *-р-бер*, засвидетельствованный в двусложных и трехсложных именах с гласным исходом, например, *ада* «отец» — *ада-р-бер*, *азу* «зуб» — *азу-р-бер*, *кьусу* «старик» — *кьусар-бер*, *чербеси* «сито» — *чербесе-р-бер*, *кьемелчи* «папах» — *кьемелче-р-бер*. Формант множественности *-ри-мер* зафиксирован в нескольких односложных именах с финальными согласными *-х*, *-тI*, *-нI*: *дих* «сын» — *дих-ри-мер*, *затI* «вещь» — *затI-ри-мер*. Формант *-м-бер* представлен, помимо лексемы *кыла* «плечо» (*кыли-м-бер/кыл-им-бер*), также в слове *фури* «муж; мужчина» — (*фури-м-бер*). Формант *-им-бер* засвидетельствован в формах мн. числа четырех односложных имен: *шид* «брат» — *ший-им-бер*, *риж* «девочка» — *риж-им-бер*, *раз* «палка» — *раз-им-бер*, *кур* «река» — *кур-им-бер*. В сложных формантах множественности (типа *-р-бер*, *-ри-мер*, *-м-бер*, *-им-бер*) в будухском языке отразились следы некогда дифференцированного употребления дв. (или ограниченного мн.) и мн. чисел. Сложные форманты множественности в будухском, в отличие от рутульского, цахурского и крызского языков, лучше и полнее сохранили первичные компоненты дв. (или ограниченного мн.) и мн. чисел. Например, в лексемах «сын», «брат» и «дочь» рутульский и цахурский языки сохранили в качестве показателя множественности лишь форманты ограниченного мн. числа (*-ба*, *-ра/-йе*), а будухский — сочетание формантов ограниченного мн. (дв.) числа + мн. числа (*-ри* + *-мер*, *-им* + *-бер*).

Местоименный формант множественности *-ш* в рутульском и цахурском языках сохранился только в составе косвенной основы имен существительных (в крызском и будухском языках он не сохранился). В рутульском, где при падежном склонении имен существительных во мн. числе действует противопоставление по категориям одушевленности и неодушевленности, все одушевленные имена, обозначающие как разумные, так и неразумные существа, между финалью основы и аффиксом падежа получают формант множественности *-ш*, а неодушевленные имена — формант множественности *-м*. Ср., например:

Ед. число	Мн. число
«Отец» им. <i>дид</i>	<i>дид-абар</i>
эрг. <i>дид-аь</i>	<i>дид-абар-ш-аь</i>
род. <i>дид-ды</i>	<i>дид-абар-ш-ды</i>
дат. <i>дид-ис</i>	<i>дид-абар-ш-ис</i>

Е д. ч и с л о		Мн. ч и с л о
«Медведь»	им. <i>си</i> (< * <i>сир</i>)	<i>си-баъ</i>
	эрг. <i>сир-е</i>	<i>си-баъ-ш-аъ</i>
	род. <i>си-д/сир-ды</i>	<i>си-баъ-ш-ды</i>
	дат. <i>си-с/сир-ис</i>	<i>си-баъ-ш-ис</i>
«Полено»	им. <i>ус</i>	<i>ус-быр</i>
	эрг. <i>ус-ыра</i>	<i>ус-быр-м-ыра</i>
	род. <i>ус-ыд</i>	<i>ус-быр-м-ыд</i>
	дат. <i>ус-ыс</i>	<i>ус-быр-м-ыс</i>

В рутульском языке косвенная основа неодушевленных имен существительных во мн. числе может присоединять (иногда в трансформированном виде) или не присоединять формант множественности *-быр*. В частности, косвенная основа односложных имен типа СГС, ГС, а также двусложных имен с любой финалью, кроме *-л, -р, -н, -д*, может выступать как с формантом множественности, так и без него, например, им. *укъбыр* «травы» — эрг. *укъбыр-м-ыра/укъ-м-ыра* — род. *укъбыр-м-ыд/укъ-м-ыд*, им. *нисебыр* «сыры» — эрг. *нисебыр-м-ыра/нисе-м-ыра* — род. *нисебыр-м-ыд/нисе-м-ыд*. В косвенных основах ряда лексем указанного типа засвидетельствовано также частичное усечение *-быр* параллельно с полным отсутствием его (ср.: им. *хъсымбыр* «лица» — эрг. *хъсымыр-м-ыра/хъсым-м-ыра* — род. *хъсымыр-м-ыд/хъсым-м-ыд*).

Усечение форманта множественности *-быр* в косвенной основе последовательно происходит: 1) в односложных именах типа СГСС, ГСС (им. *кантIбыр* «ножи» — эрг. *кантI-м-ыра* — род. *кантI-м-ыд*); 2) в двусложных именах с финалью *-л, -р, -н, -д* (ср.: им. *макъвалбыр* «крапивы» — эрг. *макъвал-м-ыра* — род. *макъвал-м-ыд*); 3) в именах, косвенная основа которых оформляется одним из детерминативных суффиксов *-Vл, -Vн*¹⁹ (им. *маIхъбыр* «дубы» — эрг. *маIхъаIл-м-ыра* — род. *маIхъаIл-м-ыд*); 4) в именах, косвенная основа которых представляет собой эргатив или род. падеж (им. *аъчбыр* «яблоки» — эрг. *ичир-м-ыра* — род. *ичир-м-ыд*). Эти изменения мотивированы, с одной стороны, избыточностью одновременного употребления двух формантов множественности — *-быр* и *-м-* — в косвенной основе, а с другой стороны — фонетическими процессами, вызванными, в частности, наличием в основе лексемы идентичных или весьма близких фонетических элементов.

Одушевленные имена во мн. числе не отличаются в рутульском многообразии форм склонения. Номинатив в косвенной основе, как правило, сохраняется без изменений (им. *дидабар* — эрг. *дидабар-ш-аъ...*). При сочетании с формантом множественности *-ш-* редукции подвергается *-р-* в форманте множественности *-мар*, например: им. *ург-мар* «ягнята», эрг. *ург-ма-ш-аъ* (< *ургмар-ш-аъ*), род. *ург-ма-ш-ды* (< *ург-мар-ш-ды*).

В рутульском можно наблюдать параллельное употребление формантов множественности *-ш-* и *-м-* в склонении одушевленных имен, обозначающих неразумные существа. Это явление довольно частое. Ср.: им. *къарг-мар* (I-быр) «бараны», эрг. *къарг-ма-ш-аъ/къарг-м-ыра/къарг-быр-м-ыра*, род. *къарг-ма-ш-ды/къарг-м-ыд/къарг-быр-м-ыд*, дат. *къарг-ма-ш-ис/къарг-м-ыс/къарг-быр-м-ыс*.

Местоименный формант множественности *-ш-* в цахурском языке также представлен в косвенной основе имени. Однако в отличие от рутульского,

¹⁹ Весьма редко наблюдается усечение детерминативного суффикса, посредством которого оформляется косвенная основа. В таких случаях оба форманта множественности (*-быр* и *-м-*) в косвенной основе сохраняются, ср.: им. *хъабыр* «сумки» — эрг. *хъабал-м-ыра/хъабыр-м-ыра* (< * *хъабалбыр-м-ыра*) — род. *хъабал-м-ыд/хъабыр-м-ыд* (< * *хъабал-быр-м-ыд*).

в цахурском одушевленные и неодушевленные имена во мн. числе имеют однотипное склонение, отсутствует дифференциация падежей по категориям разумности и неразумности, одушевленности и неодушевленности (например, им. *чуба* «братья» — эрг. *чуби-ш-е*, род. *чуби-ш-да/чуби-ш-ин*, дат. *чуби-ш-ис*; им. *жекIунбы*, эрг. *мекIунби-ш-е*, род. *мекIунби-ш-да/мекIунби-ш-ин*, дат. *мекIунби-ш-ис*; им. *балканар* «лошади», эрг. *балканар-ш-е*, род. *балканар-ш-ина/балканар-ш-ин*, дат. *балканар-ш-ис*²⁰; им. *сувабы* «горы», эрг. *суваби-ш-е*, род. *суваби-ш-да/суваби-ш-ин*, дат. *суваби-ш-ис*).

Различия в реализации местоименного форманта множественности *-ш-* в косвенной основе имен существительных в рутульском и цахурском языках (в частности, дифференцированное употребление *-ш-* в рутульском по признаку разумности и неразумности, а также параллельное употребление *-ш-* и *-м-* в одушевленных именах, означающих неразумные существа) позволяют предположить, что местоименный формант множественности *-ш-* этимологически связан с одушевленными именами со значением разумных существ. Это предположение подкрепляется еще тем, что личные местоимения мн. числа²¹, которые образованы посредством форманта множественности *-ш* (ср., например, в даргинском: *ну* «я» — *ну-ша* «мы», *хIу* «ты» — *хIу-ша* «вы»), также связаны с именами, обозначающими разумные существа (человека). Употребление *-ш-* в именах одушевленных «неразумных» вместо *-м-* в рутульском — вторичное явление: оно обусловлено расширением сферы употребления *-ш-* и наметившейся тенденцией к унификации склонения во мн. числе. Этот процесс завершен в цахурском языке.

Таким образом, анализ большого количества формантов мн. числа имен существительных на материале рутульского, цахурского, крызского и будухского языков подтверждает достоверность выделения двух типов формантов множественности (классного и местоименного происхождения), а также позволяет реконструировать сложную систему оппозиций дифференцированного употребления имен по признаку ограниченности (или парности) — неограниченности, разумности — неразумности (во мн. числе глаголы сохранили дифференциацию именно по признаку разумности — неразумности).

Дифференциация имен во мн. числе по признаку разумности — неразумности, видимо, передавалась оппозицией определенных показателей класса (следы такой дифференциации классных формантов множественности отмечены также в аварских диалектах²² и в ахвахском языке)²³.

Местоименные форманты множественности представлены не во всех восточнокавказских языках, к тому же функциональная нагрузка их ограничена. Из местоименных формантов множественности сравнительно большее употребление имеет *-ш-*. Местоименные форманты множественности в сочетании с классными формантами множественности образуются, как правило, сложные форманты, например, в ингушском (*-р-ч/-ар-ч*), бацбийском (*ар-ч/-а-ир-ч/-а-ил-ч*, *-р-ш*), ботлихском (*-ба-лъи*, *-да-лъи/-ди-лъи*, *б-ди-лъи*), рутульском (в косвенной основе *-б-ыр-ш/-м-ар-ш/-м-ā-ш*), цахурском (в косвенной основе *-би-ш*, *-ар-ш/-ā-ш*), удинском (*-м-ух*, *-ир-ух/-р-ух*, *-м-хо-х*, *-р-хо-х*) языках. В редких случаях местоименные фор-

²⁰ В некоторых цахурских диалектах перед *-ш-* выпадает формант множественности *-р*, обуславливая при этом долготу гласного (эрг. *балканā-ш-е*, род. *балканā-ш-ина/балканā-ш-ин*, дат. *балканā-ш-ис*).

²¹ Личные местоимения в восточнокавказских языках, в том числе в рутульском и цахурском, бывают 1 и 2-го лица.

²² См.: Ш. И. Микаилов, указ. соч., стр. 28.

²³ См.: З. М. Магомедбекова, указ. соч., стр. 45.

манты множественности самостоятельно используются при образовании мн. числа имен — таковы чечен., инг., бац., гинух. *-ш-*, багв. *-лълъа* и удин. *-ух-*.

Параллельное употребление двух типов (классных и местоименных) формантов множественности в большинстве языков семантически не дифференцировано. Лишь в ругульском языке *-ш-* имеет дифференцированное употребление по признаку разумности — неразумности, в свою очередь одушевленные имена «неразумные» допускают параллельное использование *-ш-* и *-м-*. Употребление *-ш-* для дифференцированного употребления имен во мн. числе по признаку разумности — неразумности является инновацией и, видимо, обусловлено нейтрализацией этого значения у классных формантов множественности.

Итак, многоформантность мн. числа имен, характерная для подавляющего большинства восточнокавказских языков (унификация образования мн. числа за счет отдельных аффиксов в некоторых языках вторична²⁴), является наследием некогда существовавшей сложной системы дифференцированного употребления имен по признаку ограниченности — неограниченности, разумности — неразумности, а также следствием фонетических процессов, вызванных, в частности, распадом архаической системы разграничения числовых показателей имен по семантическим группам. Поиски в этом плане могут быть весьма перспективными в решении сложных вопросов, касающихся категории числа имен в восточнокавказских языках.

²⁴ См.: А. А. Магомедов. указ. соч., стр. 97.